

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ВОЛОГОДСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР РАН

ИНФОРМАЦИОННЫЙ
ВЫПУСК № 30
(2391)

Серия

«ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ»

ВолНЦ РАН продолжает знакомить своих подписчиков с наиболее интересными, на наш взгляд, публикациями, затрагивающими актуальные вопросы российской экономики и политики.

В выпуске представлена статья «О принципиальных отличиях холодной войны-1 от холодной войны-2», опубликованная в «Независимой газете», № 40, 26 февраля 2024 г.

Вологда
февраль 2024

О принципиальных отличиях холодной войны-1 от холодной войны-2

Милитаризация любого кризиса в международных отношениях превращается в норму

Влиятельный знаток американской внешней политики Ричард Хаас, анализируя кризис «старого порядка», дал подробную характеристику принципов взаимодействия СССР и США в годы холодной войны.

Фундамент отношений: обе стороны признавали и уважали классическое правило, гласившее, что правительства пользуются суверенным правом управлять своими обществами так, как считают нужным.

Геополитическая сдержанность была отличительной чертой порядка времен холодной войны. Неофициальные правила взаимодействия Вашингтона и Москвы складывались на протяжении десятилетий в ходе дискуссий о допустимых и недопустимых формах поведения.

Одно из таких правил предполагало здоровое уважение «задних дворов» друг друга. Хаас указывает: «Термин «сфера влияния» обоснованно считается дискуссионным, поскольку предполагает, что интересы конкретной страны имеют приоритет перед правами ее более слабых соседей. Но подобные сферы способны в известной степени служить источником порядка. Каждая сверхдержава действовала в определенной мере сдержанно, вмешиваясь в дела стран, которые находились близко от нее (в географическом смысле)». Именно поэтому США отказались от военного вмешательства в период подавления антисоветских выступлений в Венгрии (1956), Чехословакии (1968) и Польше (1981).

Порядок также поддерживался пониманием того, как должна вестись геополитическая конкуренция. Это понимание было скорее инстинктивным, нежели согласованным.

Регионом, где договоренности о сохранении порядка на условиях, приемлемых для обеих сверхдержав, реализовывались тщательнее всего, была Европа – во многом первоначальная и центральная арена сражений холодной войны.

Крах СССР одновременно привел к завершению холодной войны и началу формирования нового международного порядка эпохи однополярного мира.

Генри Киссинджер дал удивительно точный и тонкий анализ трансформации подхода Запада к России в 1990-е годы: «Поскольку коммунизм потерпел крушение, отношения атлантических стран с Россией базировались больше на утверждениях относительно внутренней ситуации в России, нежели на геополитических рассуждениях». И далее: «Западные демократии стали действовать так, будто внутренние реформы в России являются главным, если не единственным ключом к стабильным отношениям.

К России отнеслись не как к серьезной державе, а как к объекту снисходительных изысканий по поводу состояния ее внутренних реформ. Западные руководители действуют, будто они сами являются частью российской внутренней политики».

На наших глазах произошел массированный отказ Запада от учета российских стратегических, геополитических и национальных интересов. Киссинджер подвел итог процессу: «По общему предположению, когда внешняя политика в отношении России приравнивается к формированию российского внутреннего курса, способность оказывать воздействие на внешнее поведение Российского государства ослабевает. И тем не менее именно внешние действия России исторически представляли большой вызов международной стабильности».

То, что в 1990-е годы намечалось как тенденция, после прихода Путина к власти стало нормой: Запад свел право России на собственный геополитический интерес исключительно к заботе о формировании внутренней политики и экономики на принципах Вашингтонского консенсуса. Эти принципы предполагали неуклонное следование курсом на либерализацию, приватизацию, финансовую стабилизацию, открытость к иностранному капиталу, разгосударствление крупных госкомпаний и банков. Мол, это и есть ваш главный стратегический и национальный интерес.

Не случайно односторонние действия Запада по расширению НАТО без учета позиции Москвы привели к кризису в отношениях.

Трансформация внутривосточного курса в духе антилиберализма в последние годы еще больше вела к отказу слышать внешнеполитические озабоченности Кремля. По существу, был изъят ключевой принцип времен холодной войны, согласно которому суверенным правом управлять своими обществами обладают правительства соответствующих стран.

Представляется, что это является главным отличием той холодной войны-1 от сегодняшней холодной войны-2. Вторым отличием является отказ признать, что у России есть «сферы влияния» как зоны стратегического, или, по принятому сегодня выражению, экзистенциального интереса. Третье – возросшая угроза прямого военного конфликта между великими державами, чего, к счастью, удалось избежать в первую холодную.

Ухудшение международной обстановки происходит повсеместно и ускоренными темпами.

То, что выглядело региональным конфликтом в Украине в 2014 году, за прошедшие 10 лет превратилось в глобальный конфликт между Россией и Западом – по целям и по используемым ресурсам.

Поэтому оказывается тотально невозможным привлечение к урегулированию посредников. Нейтральных и не вовлеченных в конфликт в той или иной форме мало-мальски авторитетных государств и лидеров в мире не осталось. Доверия нет никому. И Запад, и Россия настаивают на своей версии желаемого итога конфликта в качестве единственно приемлемого. Для России это отказ НАТО от включения в свои ряды стран из ближнего зарубежья, для Запада – нанесение стратегического поражения путинскому типу политического режима в России.

Ускоренными темпами происходит милитаризация любого международного конфликта. Украина, Израиль/ХАМАС, Азербайджан/Армения, Сирия, Ливан, Йемен, Ирак... Эффективных и результативных посредников ни один из этих конфликтов не явил. А объемы военных поставок в районы противостояния увеличились в десятки раз.

США демонстрируют в последние годы снижение эффективности своего участия в разрешении острых международных проблем. Утрата прежнего лидерства США могла бы оставаться лишь моментом, травмирующим чувство гордости американцев, если бы их внешнеполитическая доктрина не предполагала, что они обязаны играть ключевую роль в любом регионе мира.

Однако все чаще оценка природы конфликтов и качество предлагаемых ими решений не выдерживает критики со стороны участников конфликта. Проблема в том, что американцы по традиции вставляют внутрь пакета предложений по урегулированию прежде всего свой геополитический интерес. А конфликтующие стороны хотят, разумеется, эффективного и долгосрочного решения собственных национальных проблем.

В концептуальном плане международный порядок – это не только фактическое или возможное положение дел в мировой политике, это еще и некая ценность. Однако это не такая ценность, относительно которой происходит формирование всех международно-правовых практик. Сегодня страны Запада обосновывают любые свои действия озабоченностью нарушения «порядка, основанного на правилах», а многие страны «не Запада» часто руководствуются идеей справедливости, достигаемой даже ценой беспорядка. Иными словами, субъективная ценность беспорядка во имя справедливости в системе ценностей этих стран выше, чем ценность незыблемости «порядка, основанного на правилах».

Масштаб, характер и глубина проблем в области международных отношений сегодня таковы, что абсолютно исключена возможность автоматического восстановления нормальности и предсказуемости в отношениях между странами.

Нужен диалог. Требуется представительный формат обсуждения. Свежий взгляд на саму категорию «международный порядок», которая могла бы оказаться и правом, и практикой, и ценностью для большинства. Что может стать содержательной альтернативой милитаризации любого кризиса в межгосударственных отношениях.